

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Славянофильство теории и славянофильство жизни

«...Дворянин, даже и не слишком «столбовой», – гораздо более чем купец, церковник и разночинец, – привык начальствовать над крестьянином; эта власть ему сродна и нередко даже *приятна*, он не прочь так или иначе «командовать» над мужиком; но всякий справедливый человек согласится с тем, что он же, дворянин, – и пожалеет мужика, и заступится за него, и даже иногда и побалуует его гораздо охотнее, чем «коренной» купец, разночинец, церковник и в особенности чем свой же брат, разбогатевший мужик...»

**Константин Николаевич
Леонтьев
Славянофильство теории и
славянофильство жизни**

Думая все это время о гр. Дмитрие Толстом, до Пазухине и о попытках укрепить снова общественный строй наш, до сих пор еще не совсем расшатанный, я вспоминал не раз о славянофилах наших.

Я думал о взглядах Хомякова на дворянство и другие сословия наши; о статьях И. С. Аксакова в «Руси», в которых он признавал за дворянством нашим большое значение.

Вспомнил и о том, что Достоевский (которого также нельзя не причислить к славянофилам) говорил благоприятно об этом самом дворянстве русском в своем романе «Подрусток». Но больше всего я думал о той «запальчивой» (по выражению цензурного ведомства) статье Н. П. Аксакова, за которую «Русское дело» г. Шарапова было надолго запрещено (в 89-м году, если не ошибаюсь).

И я не только думал обо всем этом, но даже и сызнава многое перечел.

Хомякова надо оставить пока в стороне; все, что он писал о наших сословиях, «о служилых людях», о «дружине» и т. д., — было высказано около полувека тому назад, при существовании крепостного права и вообще при

так называемых «николаевских» порядках, которые в сущности были лишь твердым охранением общественных устоев, заложенных еще Петром I и Екатериной II.

Хомяков был, бесспорно, человек и глубокомысленный, и остроумный, и Россию в некоторых отношениях удивительно понимавший. Понимавший ее (в некоторых, повторяю, отношениях) так, как никто, быть может, ее тогда не понимал. Но ему не суждено было видеть не только всех тех ядовитых и гнилых плодов, которые принесли с собою новые порядки (более европейские); но он не дожидился даже и до удовольствия полюбоваться на те первые всходы нашего либерализма, которые, действительно, были свежи, благородны и прекрасны по искренности и здравомыслию своему.

Размышляя о недавнем и нынешнем состоянии русского общества и об истинно спасительной *дифференцирующей реакции*, на которую столь мужественно решилось вступить правительство 80-х годов, на Хомякова оглядываться много – нет повода.

Его богословские труды и его взгляды на

общекультурные отношения России к Западу несравненно важнее и жизненнее его мнений по внутренним нашим делам. Мне кажется, что некоторые стороны первых никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих еще случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления. Когда же дело идет о наших внутренних порядках и об нашем современном общественном строе, то в его сочинениях мы найдем иногда полезные и остроумные указания исторические, но не найдем никаких, даже и отдаленных предчувствий того, что нам пришлось пережить со дня его ранней кончины.

Совсем иное дело оба гг. Аксаковы – покойный Иван Сергеевич и ныне живущий Николай Петрович (если не ошибаюсь).

Последний – человек еще вовсе не старый и на реформенных порядках возросший; Иван же Сергеевич лет тридцать до смерти своей провел в деятельной борьбе и в близком соприкосновении с *действительною жизнью* либеральной эпохи.

Они оба должны были бы *видеть* бессловную (или почти бессловную) жизнь России не из «прекрасного» мечтательного и теоретического «далека», не сквозь искусственные стекла какой-то национальной археологии («изба воеводская»; «изба земская»; «губные старосты»; «целовальники» и т. д. ...), – а прямо таковою, *какова она есть*, т. е. *раз и навсегда* или *испорченную*, или *благоустроенную Петром Великим* – в ее *общественных основах*.

С вековыми сословными преданиями надо считаться и надо как можно более дорожить многими из тех именно психических *навыков*, которые образуются у людей под влиянием долго повторяющихся (и быть может, даже наследственно передающихся) впечатлений *разнородного* сословного воспитания.

Дворянин, даже и не слишком «столбовой», – гораздо более чем купец, церковник и разночинец, – привык начальствовать над крестьянином; эта власть ему сродна и нередко даже *приятна*, он не прочь так или иначе «командовать» над мужиком; но всякий справедливый человек согласится с тем, что он

же, дворянин, – и пожалеет мужика, и заступится за него, и даже иногда и побалуует его гораздо охотнее, чем «коренной» купец, разночинец, церковник и в особенности чем свой же брат, разбогатевший мужик.

Мужик – привык испокон веку повиноваться «господам». Купцы, церковники, разночинцы – со своей стороны – издавна были привычны к мысли, что и они могут становиться дворянами и пользоваться дворянскими преимуществами, – один, достигая почетного гражданства, другой – государственной выслугой, третий – учеными и художественными трудами. Даже полководцы у нас при старых порядках бывали из «простых»; граф Евдокимов был из простых казаков; Котляревский «бич Кавказа» – был сын неважного священника.

В настоящее же время и дети крестьян, освобожденных (*раз и навсегда*, конечно!) от *личной* крепостной зависимости, имеют возможность, подобно людям всех других классов, достигать до высших общественных положений, если только выполняют необходимые для того образовательные условия.

И все русские люди, начиная от придворного сановника и до последнего батрака, давно знали и знают теперь, что они повинуются одному и тому же Самодержавному Государю.

Что же тут худого?.. Это прекрасно, – это именно то, что нужно для долговечности государства: *разнообразие не смешанное, но организованное в единстве; разнородность положений и воспитания*, поставленные в некоторые юридические пределы для избежания *разнородности хаотической*, для предотвращения слишком быстрого смешения *социальных типов* и неопределенности, неустойчивости тех простых и основных душевных навыков, которыми главным образом определяется роль человека в жизни и сила его к ней приспособления... (Например, навык смело и умело повелевать, охотнее или неохотнее подчиняться; с любовью хозяйничать или торговать; жить охотно в деревне или предпочитать город; служить военным или по гражданской части и т. д.) Были неудобства в старых (дореформенных) порядках; некоторые тяготы их стали казаться чрезмерными и неудобноносимыми; их изменили; изменили

прежде всего для избежания худшего; ибо уступки после какой-нибудь пугачевщины, даже и с чисто политической точки зрения, конечно, несравненно хуже тех эмансипационных мер, которые принимаются великодушно и предупредительно с высоты Престола; первые унижают власть в глазах народа и раз навсегда компрометируют ее престиж; последние же, независимо от непосредственных плодов своих, уже тем спасительны, что, сохраняя этот престиж и силу за верховной властью, дают ей возможность, ничем не рискуя, приступить когда нужно и к исправлению того, что было через край переделано в левую, слишком либеральную или уравнительную сторону. Были в дореформенном строе неудобства, были тяготы неудобноносимые («по духу времени» больше, чем по существу самого дела), были несомненные опасности, — их постарались устранить, предотвратить, обезвредить... Чего же больше?

Почему же новейшая сословная реакция так не нравится «чистым славянофилам», «старым по духу», хотя и молодым по годам?.. Славянофилы ведь всегда хотели независимо-

сти от Запада. «Запад гниет». Согласен. Но почему же непременно думать, что гниение это выражается только безбожием и рационализмом; а бессловность и равенство самых гражданских прав есть безусловное благо? Гниение это выражается и тем, и другим: безверием и безбожием в области философской; бессловным строем и спутанностью социальных типов в деле государственном.

Итак – уже одно то, что современная Россия (Россия 80-х годов) пытается и как бы инстинктивно стремится свернуть и в деле привилегий и прав *с общеевропейского пути*, есть уже само по себе – и в славянофильском смысле хороший признак; может быть, даже самый лучший, не во гнев славянофилам будь сказано.

Славянофилы желают, чтобы русское государство было прочно, долговечно. Сословный строй в десять раз прочнее бессловного. При существовании крепких и *самоуверенных* высших сословий, привычных к власти и не тяготящихся ею, – государства живут дольше. (Даже Турция, в которой, строго говоря, сословий не было ни у мусульман, ни у хри-

стиан, начала быстрее склоняться к упадку, как только права христиан стали расширяться, а права мусульман, бывших чем-то вроде иноверного дворянства, начали уменьшаться.)

Славянофилы всегда хотели, чтобы Россия жила *своим умом*, чтобы она была самобытна не только как сильное государство, но <и> как своеобразная государственность.

Разве не самобытно, разве не своеобразно решение восстановить в *новой форме сословия в то самое время, когда и Германия значительно демократизована, благодаря соединению своему*, – и в самой Англии право *первородства лордов едва-едва держится*? С этой стороны – с сословной – старые славянофилы были и сами ничуть не оригинальны, и для России не умели видеть самобытность и ответственную независимость там именно, где она оказалась особенно нужной.

С этой стороны славянофилы представлялись мне всегда людьми с самым обыкновенным европейским умеренно либеральным образом мыслей. И Государь Николай Павлович был прав, подозревая постоянно, что под ши-

роким парчовым кафтаном их величавых «вещаний» незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной европейской буржуазности[1]. И еще о самобытности. Николай Петрович Аксаков в своей, к счастью[2] не одобренной начальством, статье (Русск. дело; 89 г., № 6) вознегодовал на сословную реформу графа Дмитрия Андреевича Толстого.

«У нас не было настоящего дворянства, – говорил он. – Что такое русское дворянство? Оно больше ничего, как *наследственное чиновничество*». «Екатерина II только причислила коренные древние роды к тем новым родам дворянским, которые таковыми стали вследствие пожалования или выслуги». «Моему роду (Аксаковых) 600 лет, а мне только позволено быть наравне с Меншиковыми, Кутайсовыми» и т. д.

В том же почти роде писывал и И. С. Аксаков о дворянстве. Статьи обоих Аксаковых очень хороши и с исторической точки зрения, быть может, совершенно справедливы. Но с точки зрения *современной самобытности* что же за беда, что это все было так, а не

иначе? Тем лучше, что история нашего дворянства не похожа на историю западного; тем лучше, что оно выросло *органически*, соответственно потребностям государственной жизни. У нас завоевания иноземного не было. Татары не остались жить между нашими предками, а ушли и брали дань. Если бы они, во времена Батыея, еще язычниками, расселились бы между русскими густо и обрусели бы, приняв вместе с ханом своим Православие, то по естественным социальным законам у нас была бы, вероятно, аристократия *более постоянная*, более военная и по устройству своему более даже схожая с западной, несмотря на азиатскую кровь завоевателей.

Но этого не случилось; а потребности расслоения и *градативной* дисциплины существовали, как существуют они всегда у растущего общества, как слабеют и пропадают они всегда у общества стареющего. В России лет 300, 200, 100 тому назад были две нестерпимо сильные общественные потребности: потребность этой градативной дисциплины и, с другой стороны, потребность освежать верхний общественный слой притоком новых сил из

других сословий. И Государи наши удовлетворяли этим двум потребностям. Удовлетворяли они не всегда удачно; иногда слишком пристрастно или жестоко; но, ошибаясь (быть может, даже и нередко) в частных случаях, – они, Цари наши, в общем и существенном смысле исполняли свое историческое назначение – так или иначе расслоить Россию и этим самым возвеличить ее.

Да! возвеличить! Ибо пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама Царская власть возрастали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого «наследственного чиновничества», которое так не нравится столбовому, 600-летнему <дворянину> – Н. П. Аксакову.

Ну, хорошо! Пусть это правда! «Русское дворянство не аристократично, не родовито», – как он говорит. Но что же дальше? Татары не остались у нас, к сожалению; не крестились – и пришлось обходиться домашними естественными средствами, придумывать суррогаты завоеванию – для подчинения

всей этой простодушной, но беспутной и нередко буйной «меньшей братии» нашей. И это вошло уже в кровь нашу, – *прошедшее неизгладимо и прерывать вполне с его преданиями было бы опасно и ошибочно*. Ведь вся история Европы в XIX веке есть не что иное, как история разочарования в рационалистических и эгалитарных идеалах XVIII века. Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою историю, в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас к неизбежной бездне социальной анархии.

Славянофилы всегда стояли горой за Самодержавие. Это прекрасно. Но они ошибочно думали, что этот величественный столп единоличной власти может долго стоять не колеблясь после того, как будут приняты все боковые его опоры, друг на друга столь государственно налегавшие.

Так ошибались старые славянофилы.

Зачем же младшим ученикам их подражать им во всем *так просто?*

Нет! Не просто *продолжать* надо дело ста-

рых славянофилов; а надо развивать их учение, оставаясь верными *главной мысли их – о том, что нам по мере возможности необходимо остерегаться схождения с Западом*; надо видоизменять учение там, где оно было ни с чем не сообразно. Надо уметь жертвовать частностями этого учения – для достижения главных целей – *умственной и бытовой самобытности и государственной крепости*.

Сам И. С. Аксаков понимал, что глубокое видоизменение первоначальной славянофильской теории – неизбежно. Он превосходно это выразил в своем предисловии к жизнеописанию Тютчева.

«Не как учение, *воспринимаемое в полном объеме послушными адептами* (говорит он там), а как направление, *освобождающее русскую мысль из духовного рабства пред Западом и призывающее русскую народность стать на степень самостоятельного просветительного органа в человечестве, славянофильство, можно сказать, уже одержало победу*, т. е. заставило даже и врагов своих признать себя весьма важным моментом в ходе русской общественной мысли. Мы, со своей

стороны, думаем, что оно не только исторический момент, уже отжитый, но и пребывает и *пребудет в истории нашего дальнейшего умственного развития как предъявленный неумолкающий запрос*... И далее: «*Может потеряться из виду преемственная духовная связь между первыми деятелями и новейшими; многое, совершающееся под общим воздействием, но совершающееся в данную известную пору, при известных исторических условиях, будет даже уклоняться, по-видимому, от чистоты и строгости некоторых славянофильских идеалов*». «Некоторые, слишком поспешно определенные формулы[3], в которых представлялось иным славянофилам будущее историческое осуществление их любимых мыслей и надежд, оказались или окажутся – ошибочными и история осуществит, может быть, те же начала, но совсем в иных формах и совсем иными неисповедимыми путями. Но тем не менее, раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы»... и т. д. («Ф. И. Тютчев». М, 1874; стр. 77–78).

Какое верное, ясное понимание дальнейшей

ших судеб славянофильского учения!

Почему же славянофилы младшие, новейшие, не хотят узнавать той же теории *русской самобытности* – в *расслающих и прикрепляющих к земле* (дифференцирующих и объединяющих) начинаниях 80-х годов?

Разве эти начинания, эти смелые и настойчивые усилия – *подражательны*?

Разве они не вызваны неотложными практическими потребностями самой будничной *нашей действительности*?

Разве они не связаны тесно с *русской историей последних двух веков*?

Разве они не соответствуют тем исторически приобретенным *душевному навыкам* населения, о которых я уже выше говорил не раз?

Я думаю, славянофилы согласятся, что национальное культурное государство есть своего рода живой и развивающийся организм. Так думал и Данилевский, один из наиболее чтимых славянофильских учителей.

Он, видимо, находил, что организм культурно-государственный имеет много общего с организмами *физическими* (с растениями и животными).

Посмотрим же, что говорит об этих последних другой ученый (тоже, заметим, славянофил).

«Организм всегда содержит в себе не только свое настоящее, *но и свое прошедшее и свое будущее*. Отсюда легко заключить о границах нашей власти (над организмами) *Над прошедшим организма у нас не может быть никакой власти*, ибо мы не можем заставить организм иметь *других предков*, принять не тот тип, который он от них *наследовал*» (Н.Н. Страхов: «Об основных понятиях психологии и физиологии», стр. 207.)

Как мы отречемся от того *душевного наследия*, от тех *вековых привычек*, которые перешли преемственно к нашему народу и к правящим классам нашим от времен Михаила Феодоровича, Петра I, Екатерины II и Государя Николая Павловича?

Как мы от них отречемся?

Мы не можем, *не разрушая* Россию, «заставить организм ее иметь *других предков*, *принять не тот тип, который он от них наследовал*».

С резко разграниченными сословиями Рос-

сия в течение веков стала той Россией, которую мы все знаем

Россия же вполне бессословная не станет ли скорее, чем мы обыкновенно думаем, во главе именно того общереволюционного движения, которое неуклонно стремится разрушить когда-то столь великие культурно-государственные здания Запада? Наши Добролюбовы, Писаревы, Желябовы, Гартманы и Кропоткины – уже «показали» себя. Ведь и это своего рода призвание, и это – историческое назначение *особого* характера.

Но этого ли могут желать православные патриоты-славянофилы?"

Конечно нет! Этого могут желать «деятели» и писатели совсем *иного* рода.

Но, разумеется, подобное «призвание» не может быть по сердцу таким честным русским людям, как Н. П. Аксаков, г. Шарапов или, например, сотрудники «Благовеста» (к сожалению, что-то притихшего)

Почему же они держатся за *всю теорию* *сполна* до сих пор так упорно?

Зачем они хотят быть только «послушными адептами» учения о русской самобытно-

сти, такими адептами, какими *не быть*, в случае нужды, разрешил, так сказать, и сам И. С. Аксаков?..

Что за неумение узнавать *свой собственный идеал в иных и неожиданных формах*, не в тех, к которым приучила их *заблаговременная* теория!

«Истинная социальная политика есть та, которая не жизнь развивает из учения, а *учение из жизни*».

Это сказал Риль в своей книге «Страна и люди» – Риль, который своими «почвенными» склонностями должен быть по душе славянофилам.

Примечания

См.: Сообщения о взглядах И. С. Аксакова на *идеалы* первой французской революции г-на Spectator'a (Русское обозр. 90-го года, октябрь). Я, со своей стороны, также могу (и готов при случае) рассказать о некоторых в высшей степени «европейских» выходках знаменитого славянофила.

[^^^]

Я говорю – «к счастью» не по враждебному какому-либо отношению к пострадавшему «Русскому делу» или к самому г-ну Аксакову. Избави Боже! Напротив того, я всегда ценил ум и ученость последнего; и «Русск. делу», как изданию весьма живому, во многом сочувствовал и до сих пор жалею, что оно прекратилось. Я в свое время потому лишь порадовался цензурной каре, что по строгости этой меры мог судить, как мало правительство расположено «шутить» дворянским вопросом.

[^^^]

3

Как, например: *либеральный панславизм – равенство прав и бессловность поддержка болгарских безбожников в их восстании против церковных прав Вселенского Патриарха, свобода печати и т. д.*

[^^^]